

Вопрошание о смысле философии: экскурсы

Неретина С.С.

Аннотация: размышления студентов первого и второго курсов ГАУГН на тему «что такое философия?».

Ключевые слова: философия, наука, искусство, поэма, образ жизни, образование, понятие, абстракция, диалог, европоцентризм.

В начале учебного года я попросила студентов 1 и 2 курсов письменно ответить на вопрос, что такое философия. Показалось важным в настоящее время, когда несколько десятилетий стоит вопрос о ее конце, когда философия, приобретя имманентный характер, рискует лишиться своего главного вопроса «что это?» с помощью операций деструкции и деконструкции. Правда, удивляет, что при этом зудящем вопросе молодые семнадцати-, восемнадцатилетние люди все же идут на философский факультет! Одни случайно, не зная куда идти, другие жаждут всеобщности знания, но в принципе относятся к философии, как к любой другой науке, третьих, которые, возможно, и станут философами, влечет некая «неведомая сила» – познания, понимания, внятия чему-то, что можно назвать мудростью, но что не носит для них характера очевидности.

Философ, возможно, единственный человек, кто всматривается в основания вещей и способен «зарядить» ими науки. Но в силу этого же философ – единственный человек, кто не может дать мастер-класса, потому что в поисках оснований он зачастую оказывается опустошенным. Читая студенческие работы, я испытала радость открытия. Недавним выпускникам средних школ мы ставим оценки, часто отмечая - и вслух и про себя - несовершенство их среднего образования, робость и молчание на семинарах или вовсе игнорирование преподаваемых предметов. Некоторые и в этих опусах проявили не то, чтобы незаинтересованность, но инфантильность и инертность. Но в основном это кипучие труды, яркие, иногда «хулиганские», но продуманные и нуждающиеся не в декларациях или передаче сведений, а в собеседовании, во внимательном вслушивании в незатасканную свежую речь. Здесь выдвинуты гипотезы, которые могут соперничать с твердокаменными убеждениями их наставников, но главное – высказаны словами, сила убедительности которых подчас вызывает онемение.

Школа и ВУЗ

Разумеется, некоторые студенты, отвечая на вопрос, «подсматривали» - в монографии или учебники, - их мысли не всегда состыковывались, но попытка ответить всерьез все-таки была, хотя бы потому, что это было *задание*, за которым, возможно скрывалась оценка. Само это «подсматривание», однако, означало, что студенты, отвечая на совсем нелегкий вопрос, вступали в *историю* отношений с этим вопросом, в диалог с предшественниками, пытаясь если не понять, то узнать, как и кто на него отвечал прежде. Жаль, что в основном «подсматривали» в учебники или справочные издания, но все же перед нами бывшие школьники! Для них учебник – высшая правда. Одна первокурсница неожиданно выразила ценное признание. «Для меня философия и философский факультет – это, прежде всего, возможность понять лучше саму себя». Казалось бы, повторены слова Сократа. Но из истории философии мы знаем, каков труд – заново их произнести. Этот тяжелый груз, эта тяжкая ноша обнаружилась под, казалось бы, простым признанием: «Именно здесь я, наконец-то, поняла, что единого мнения нет... В школе нас учили по “трафарету” (вслушайтесь, господа учителя и чиновники, занятые реформированием образования! Вчерашняя школьница Ксения Бурмистрова говорит простые слова. – С.Н.): что автор сказал, то и правильно, нельзя с ним не согласиться, его мнение – единственно правильное. Для меня было *непривычно* (курсив мой. – С.Н.), когда на лекциях я слышала разные точки зрения на одну и ту же проблему». Сторонникам стандарта образования вряд ли такие слова по вкусу. Но как не считаться с будущим философом! «В школе все мыслят коллективно, здесь же, в университете каждый высказывает свою точку зрения и *неправильной она быть не может*». Лично я полагала, что *так* было в школе и в университете в 40 – 60-е годы, судя по всему, изменения, если и произошли, то в худшую сторону. «Философский факультет, - продолжает Ксения, - еще и развивает во мне любовь к учению, как и сама философия. Читая произведения великих философов, я с удивлением понимаю, что то, что для меня сначала было непонятным, недоступным, становится понемногу ясным. В голове непроизвольно возникали вопросы, на которые я хочу получить ответ. Именно здесь я нашла людей, которых тоже мучают вечные вопросы».

Я рада за преподавателей ГАУГН, которые смогли сделать такую прививку понимания с самого начала занятий – они разбудили дремавшее сознание и успокоенную мысль. В этом высказывании не философия определяется как нечто достойное удивления, а человек удивляется собственной способности понимания, собственным возможностям столкновения с апориями и попытками сразиться с ними.

Итак, 17 мучающихся тем, как выразить свое отношение к философии, среди которых немало желания понять сам этот предмет.

Ответы можно разделить на несколько типов. К первому можно отнести те работы, где всерьез делается попытка проанализировать свое личное отношение к

философии. Ко второму – сочинения тех, кто, хотя и заимствует определения чаще всего из учебной и справочной литературы, вроде того, что философия – это «наука, изучающая основные принципы человеческого бытия», это – «метод изучения других наук», «форма мышления человека, направленная на познание бытия и осмысление его», но при всем том выражает собственное отношение к этим определениям, добавляя нечто своё, к примеру, что философия – это «помощник в поисках истинного смысла существования человека». К третьему – те, кто базируется на так называемой житейской философии, высшей формой которой объявляется экзистенциализм, «дающий разные взгляды на проблемы людей и способы жизни». Все студенты, однако, говорили о невозможности однозначно ответить на вопрос, что такое философия, и о том разрыве, который обнаруживается между началом познания и прорывом к основаниям самой философии. Так, А.Д.Зубарева считает, что на вопрос «что такое философия?», «ответ невозможен: предмет тонкий – мир нестабильный». К тому же взгляд на философию *может измениться*. Так же считает и Никита Зубарев, добавляя к идее неоднозначности выражения, что такое философия, свою мощную страсть: «Не было ни дня, когда бы я не обращался к философии!» Никита не постеснялся и то сказать, что «философия помогает интересно и полезно скоротать время. Например, прочесть чужой философский труд или же мысленно поупражняться самому... анализируя свою жизнь и пополняя копилку своего восприятия мира». Это ли не апология просвещенного досуга, свидетельство отнюдь не ленивого ума.

Но обратим пока внимание на тех, кто основывается на «книжных» убеждениях в научности философии. Я хотела бы напомнить, однако, что Э. Гуссерль пытался построить философию как «строгую науку», а Г.Б.Гутнер однажды (в «Заметках о современной философии», опубликованных в сборнике «Философские акции», где мы пытались ответить на тот же вопрос, что я поставила перед студентами) поставил под сомнение проблему, «может ли философия стать, наконец, наукой». Его ответ отрицательный, потому что философ свое знание практически начал осуществлять прежде, чем начал исследовать какой-то предмет.

Опираясь на М.Хайдеггера, который в статье «Феноменология и теология» утверждает, что то наличное сущее, которое относится к области разных наук, раскрыто еще до того, как его раскроет сама наука, Гутнер полагает, что «практики знания уже давно входили в... научную и обыденную жизнь» философа, а донаучное знание в отличие от объективируемого «необъективируемо, оно есть сама практика исследователя»¹. В известном смысле можно сказать, что мы сейчас при ответе на

¹ См.: Хайдеггер М. Феноменология и теология / Пер. В.К.Зелинского // Мартин Хайдеггер и теология / Отв.ред. И.С.Шерн-Борисова. Ч.1. М.: Институт философии АН СССР, 1974. С. 2, 20; Гутнер Г.Б. Философские акции. М.: Голос, 2010. С. 121.

вопрос о том, что такое философия, имеем дело с донаучной установкой, которая всегда уже есть у тех, кто так или иначе понимает философию как науку.

Но именно потому эта донаучная установка иная, чем любая позитивная (наличная, положенная) наука, и она не столько «применяется» в этих науках, выполняя функцию связывания, сколько показывает другую, как считает Хайдеггер, функцию развязывания, высвобождения возможностей наук. И в некоторых работах философия интуитивно рассматривается как «первоисточник всех наук», то есть выводится из ряда наук. Но у иных студентов, хотя «научность» философии подвергается сомнению, однако по иным причинам: альтернативой научности для них является «тип мировоззрения, существующий, пусть в разных формах (видимо, этим обусловлено употребление слова «тип». – С.Н.) и идеях, в каждом отдельном индивидууме», словно забывая при этом, что мировоззрение – это некий устойчивый взгляд, который органически не приемлет философия как стремление понять *неведомые* основания, меняющие мировоззрение.

Жажда нозмы

Но при всем желании опереться на авторитет учебника вдруг проскальзывают вопросы, относящиеся к самим основаниям мышления. «Книжные» убеждения начинают меняться, вплоть до полной оторопи, до полного исчезновения. Поход к началам если и не сметает их полностью, то вводит в пучину непонимания. «Я думал так», - мог бы сказать такой путешественник, - «а оказывается не просто иначе, а как я и не подозревал». Разумеется, ищущему на помощь приходит интуиция, которая приходит только к ищущему, и она обнаруживает то, что давно лежало под спудом - под спудом ли памяти, или забвения. В этот момент философ действительно становится «поэтом мысли», если под этим выражением понимать мгновенную сосредоточенность и пронзающую ясность мысли. «Философия... – мать всех наук... любовь к мудрости», - вроде бы повторяются старые слова. «Но что есть мудрость и что есть любовь?» «Жажда нозмы» - эти слова взошли неожиданно серьезно на поле нежной зелени мысли. И словно вторя этой жажде, возникает другая: «жажда поэмы». Обе они сродни друг другу, поскольку нозматическая жажда свидетельствует о сосредоточенности сознания ухватить смысл чего-то, о чем не скажешь, реально оно или нет, а поэтическое слово не позволяет усомниться в наивысшей реальности сказываемого. Этой серьезности ясно, что наука философии «зиждется на скептицизме, постоянном, - как пишет студентка, - *подвержении истины сомнению*».

По структуре фразы можно заметить, как тяжело рождалось слово «подвержение», но очевидно, что автору хотелось выразить тяжесть испытания, без которого «не было бы развития, гибкости ума, наблюдательности» и – редкость в подобных сочинениях – «умения абстрагироваться», соседствующего почему-то с

«любовью к справедливости». Уже скоро, и это несомненно, придет понимание того, что запятая – не лучший способ одоления проблем, что каждая из названных требует особого внимания, которое не позволит жаждущему ноэмы ли, поэмы сказать, что «философия – это набор концепций, схем...накладывая которые на жизнь мы начинаем видеть ее как бы через призму этих схем», ибо если «хочется дойти до самой сути», то «набор» окажется всего лишь необходимым подспорьем для возможности «сменить “стеклышки” концепций в наших диалектических очках», ибо – снова пробуждается нечто древнее и серьезное - «философия есть нечто... основное».

«Они не понимают смысла употребляемых слов», - сказал умудренный философ, когда я передала ему мысль о ноэме-поэме. И я согласилась, добавив, правда, что это незнание, толкаемое жаждой к знанию, лучше, чем незнание седовласых ученых, рассуждающих в XXI в. о необходимости возрождения стандартов образования, сокращения философских институций и связанной с этим имперской политики.

Одни студенты определяют философию как знание или науку о всеобщем, «деятельность по поиску истинного и ложного», методом которой является сомнение, другие считают невозможным дать определение философии, «которое было бы принято большинством философов» и не только потому, что всякий философ понимает ее по-своему, но и потому, что – это «образ жизни». Можно допустить, что первое и второе – нечто схожее, если бы второе не шло через запятую с методом познания, свидетельствуя, что образ жизни осознан не как предельное сосредоточенное состояние человека, в котором действительно быть и мыслить (страдать) одно, а как постепенно созданное на пути существования и мышления.

Много ответов, связывающих философию с удивлением и чудом, среди которых оказывается «способность человека к осознанию, осмыслению творящегося». Понимание философии как чуда у одного из респондентов, сомневающих в собственных творческих способностях, редуцируется до самоумаления, до присутствия-рядом с присутствием, выраженного лишь, на первый взгляд, чисто эмоционально. «Я не устаю удивляться разнообразию, глубине, силе. Я восторгаюсь, это волнует меня. Я хочу быть частью этого чуда, я хочу понимать, а если не понимать всего, то быть при этом». Главное в этом высказывании: «я хочу понимать». Эти слова при пристальном рассмотрении и выражают философские основания. Именно им посвятил Хайдеггер книгу, названную вопросительно - «Что зовется мышлением?».

Я не думаю, что справедлива мысль, высказанная в одной из работ, что «философия – это всеобъемлющая наука», которая «дополняет другие дисциплины, помогает в анализе и изучении других предметов. Например, применяется в физике (согласно лекциям преподавателя по КСЕ), языке, существует даже философия кино». Я не знаю слов преподавателя по КСЕ, но очевидно, что философия имеет свои основания

за пределами всех наук. Это она дает начала всем прочим знаниям, это из ее «чтожности» черпаются их объяснительные принципы. Философия, имеющая множество родительных падежей (философия науки, философия языка, философия кино), - это философия, свет которой падает на науки, язык или кино. Но стремится она не к наукам, языку или кино, а к основаниям самого мышления, к основаниям самого бытия, к чудотворным способам их соотношения, поскольку соотносятся *разные* природы. Разумеется, естествознание, основанное на идее прогресса, предполагает, что одна теория может раствориться в другой, составив подоснову научного мышления, а потому сами специалисты-естественники читают не столько Ньютона или Максвелла, сколько новую - последнюю - теорию, и в этом смысле они пользуются старыми идеями. Но с гуманитарностью, тем более с философией, все наоборот. Там всё может начаться с середины, с оборванной мысли или мысли законченной, произнесенной в начале или середине текста, и заинтересовавшей, стронувшей с места мысль нового читателя. Достаточно вспомнить идею Dasein Хайдеггера, которая до сих пор заставляет пыхтеть над ней не одну голову, хотя сам автор этой идеи во второй половине жизни к ней не возвращался.

Станут или нет пришедшие на философский факультет философами, решит будущее. Важно уже и то, что многие убеждены, что философия способствует развитию человека: его способностей, его активности, подстегивая его к поиску мотиваций своих поступков, практического применения знаний совокупно с «осмыслением всей жизни, мира и изучением не только процессов, но и их причин и следствий». Все науки связаны «в систему, которую философия и изучает» с помощью «критического анализа и логического рассуждения», пытаясь построить четкую картину мира и найти истину, чтобы «не осталось никаких “белых пятен”». Это, разумеется, можно назвать некоей утопической картиной, если, конечно, не иметь в виду возможности для самоубийства мысли, поскольку ученое незнание предполагает, что белые пятна только накапливаются с ростом знания и требуют новой и новой проверки на истинность.

Философия между наукой и искусством

Обратим теперь внимание на те работы, где высказывается свой, особенный взгляд на философию, выраженный дерзко и, если и с оглядкой на предшествующий опыт, то для того, чтобы его аннигилировать. Так, первокурсник Даниил Рогозин пишет, что «философию часто называют наукой... по уровню абстракции ее можно сопоставить лишь с математикой или с начертательной геометрией, рассматриваемый объект которых является независимой от чувственных реалий моделью». Однако то, что философия, всегда новая, то есть не наука, которая обязана опираться на предыдущий опыт, Даниил показывает на примере пустякового, казалось бы, замещения одного имени другим. «В качестве перефразировки воду мы порой называем H₂O, - пишет он, - т.е. в результате

взаимодействия двух газов мы получаем элемент, отличный в своем агрегатном состоянии от своих первоисточников, то есть то, что дает развитие науке, не должно являться наукой». Но даже, как он пишет, «сломав нос, споткнувшись об этот камень преткновения» (о расхождении значений одного и того же элемента), ответа на вопрос о том, что такое философия, получить нельзя. Ясно только, что она – не только не наука, но и не искусство, более подходящее для выражения эмоций. «Философия же, - замечает Даниил Рогозин, - стремится занять отдельную, но открытую для науки и искусства плоскость». Как она создается?

«Допустим, - развивает свою, как выражается сам автор этого опуса, «космическую глупость», очень подходящую для ответа на вопрос, - что наука, философия и искусство занимают три разные плоскости. Возьмем на каждой плоскости по произвольной точке и назовем их в честь своих материнских плоскостей»: точки Ф (философии), И (искусства) и Н (науки). Соединив три точки, можно построить плоскость в виде треугольника. «Треугольник ФИН – это картина общих качеств науки, искусства и философии». Студент несколько ерничает, сперва рисуя плоскости, затем ставя точки и соединяя их в треугольник ФИН. «Известно ли нам в контексте этого “веселья”, что есть искусство и что есть наука? Что есть третье? Наверное, в поиске ответа на этот вопрос придется прибегнуть к математическому правилу о поиске неизвестного через заданное. Наука направлена на познание, а искусство – это огромный (интровертный) пласт, направленный на отображение своего внутреннего мифа земными аналогиями. И то, и другое подходит к философии, например, знание биографии Шопенгауэра, как правило, облегчает понимание основных вех его мысли, но вряд ли нам поможет... в осознании электродинамики Максвелла сведения о его темпераменте». И последний аккорд: «Я не выведу четкого определения того, что я понимаю под философией, но, вероятно, это самый объемный в своем качественном аспекте элемент человеческого наследия, находящийся **между** наукой и искусством».

Заметим, однако, что этот «элемент» не только объемный (если у элемента может быть объем), но и необыкновенно тревожащий, особенно если вспомнить, что философия не плоскость, а стремление. Трудно даже представить скорость коней Парменида, несших его к Алетейе.

Почему-то многих смутило предложенное «что» в названии темы «что такое философия?», хотя с этого «что» начинаются многие работы (например, «Что такое философия?» Ж.Делёза и Ф.Гваттари). Более того, смущает именно «что», вызывая ассоциации, очевидно же, с «чтойностью», с самой сутью дела, которое делает философ, часто умея задать его направления и не зная ответа.

Пространство «между» уже давно стало серьезным термином, введенным М.Бубером для характеристики межчеловеческого смысла отношений. Об этом написано

в нашей с А.П.Огурцовым книге «Время культуры», характеризуя феномен события-встречи не как онтологический факт, а как индивидуальную сферу чувства и эмоционального вживания в бытие другого, с одной стороны, а с другой - что встреча сохраняет своеобразие партнеров по диалогу. Сфера «между» весьма важна для Ж.Дерриды, поскольку она стирает грань между знаком и мыслью, между философией присутствия и теорией отсутствия как бессознательного и предполагает разрыв, бездну ничто, пролегающую между одним похожим и другим похожим, не означая ни того, ни другого. В этой бездне растрескиваются старые значения, уничтожаются старые знаки и само знание. «Между» - это (троп) котел, куда прыгнул старым, а вынырнул...

Можно и не вынырнуть, не достичь философского основания, оставшись, однако, при стремлении. Даниил вонзился в святое святых постмодернизма, решительно и с достойной той глупости, похвалу которой воздавал мудрец из Роттердама, энергией, устанавливая «место» философии, которая лишь углами прихватила науку и искусство и - определила все междуусобные войны между наукой и искусством, между естественнонаучностью и гуманитарностью, между понятием и понятием, понятием и пониманием и т.д. Как, однако, через разделяющее «между» можно нечто связать? «Как» - не «что», «что» окажется ненужным, хотя это местоимение, союз, союзное слово или наречие выполняет много разных функций, даже замещает собою «как» («материнский гнев – что весенний снег»). «Что» - пустое слово само по себе, которое меняет свои значения, употребляясь с приставками, союзами, местоимениями, будучи даже формой среднего рода вопросительного местоимения *quis*. Поэтому можно сказать «философия – это наука и искусство и кое-что еще - неожиданная мысль». Это «что» как вопросительное слово, которое еще ничего не значит, которое может лишь дойти до устойчивости (*quidditas*), является тем, что, хотя «неким образом» стягивает обе сферы, обозначая момент сопряжения, реально создает философское напряжение при ожидании их несовпадения.

Но может случиться и так (здесь мы понимаем отказ Рогозина от готового решения), что если мы не знаем, как точно сопрягаются сферы науки и искусства в треугольник философии, то должны отказаться, как говорил тот же Деррида, от той формы вопроса, который учреждает философию как таковую: «Что это есть?..»².

Но вот после убеждения, одного-единственного убеждения, что философия есть «основополагающая эссенция жизни... и исходное из неё же бесконечное стенание», становится трудно дышать и умолкает всякая речь.

Философский диалог в автобусе

² Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 134.

Теперь перейдем на второй курс. Это уже более – благодаря зачетам и экзаменам, семинарским занятиям – опытные студенты. Их тексты пространнее, хотя и в них философия описывается как любовь к мудрости, как стиль жизни, «многообразная и сложная форма человеческой духовности», под которой можно подразумевать самые разные вещи: от высших учений до высокопарных слов и умствований». Она может казаться даже «нагромождением каких-либо бездоказательных суждений». Второкурсники также отмечают вопросительный характер философии, ее непрактичность и одиночество мыслителя. В занятиях философией усматривается также попытка самодетерминации, выраженная в поиске «ответов на вопросы, которые большинство людей предпочитает не решать. А не решают они в силу того, что эти вопросы либо слишком сложны... либо...не видят вопроса, так как им кажется, что ответ прост и понятен». Последнее высказывание свидетельствует о возможности пожертвования известной мыслью, при условии, что достигнутые истоки ее с нею не совпадают.

Я получила большей частью зрелые ответы на поставленный вопрос, почти все подписанные, хотя я предупредила, что анонимность не возбраняется. Жанна Лихачева, которая начала свое исследование с излюбленных в энциклопедических справочниках определений, перевела стрелки на обыденный характер философии. Отделив овен («профессиональных философов», многие из которых основываются на признанных «учебных» определениях философии) от козлиц («простых людей»), она смоделировала некий провокативный «диалог в автобусе». Его нужно привести целиком, как и некоторые последующие собственные размышления студентки над ею переформулированным вопросом: не что такое философия, а чем она для нее является.

Жанна уловила одну из характерных особенностей современности: каждый человек ставит перед собой вопрос о предельных основаниях своей жизни. Происходит активная самодетерминация субъекта. Мыслить становится важнейшим жизнедействием в полном соответствии с глаголом *cogito*, смысл которого - в напряжении ради такого содействия. В вовлеченности *всех* в когитальную сферу – особенность философии как внимающего знания, то, что невозможно ни для одной специальной науки, требующей профессионального умения. Мысль определяет самоё существо человека, без и вне которой теряется его «человечность». Когда говорится о философской универсальности, имеется в виду, прежде всего, ее человеческое стремление к познанию оснований бытия.

««Простые» люди не стесняются давать ей определения», - пишет Жанна. Они считают ее «своей». В определенном смысле можно сказать: философствую, значит, я есть. «Что интересно: в эпоху узкоспециализированного знания, когда спрашиваешь человека о том, как он представляет (как определяет) себе ту область (экономика, политика, право и др.), с которой он непосредственно не связан (не работает), то

получить можно довольно сухие сведения. Но если же разговор зайдет о философии, то начинается “полет мысли”, как минимум минут на тридцать при сопутствующих вопросах. Ведь все философы».

Сократ, напомним, разговаривал со всеми желающими. Достаточно вспомнить начало диалога «Парменид», где ведется рассказ о том, как некогда в Афины приехали любители философии из Клазомен, чтобы встретиться с тем, кто много лет назад слушал диалог, который вели Парменид, Зенон и Сократ, нашли некоего человека, занимавшегося лошадьми и наизусть помнившего эту беседу. Не все любители философии становились философами, но и одного, Платона, довольно, чтобы с философией можно было считаться. Разговор со всеми не означает, что мысль становится не строгой, не удерживается на заданном ею же пути. Напротив, разговор со всеми предполагает ее разворачивание в условиях простейшего диалогического вопрошания. «Да, Сократ», «нет, Сократ» - не отговорки, как иногда говорили, «мальчиков для битья». Это моменты рождения мысли, которая трудно дается и которая свидетельствует, что это самое крошечное дело в мире. Слушал ли Сократ? Есть диалоги, которые ведут другие люди, Тимей, например. И для Сократа это было тяжелейшим делом. Иногда он признавался: «Относительно таких вещей, - говорил он Пармениду, когда речь зашла об идее грязи, - я часто бываю в недоумении» (130 с). А через 8 (!) веков эту трудность подхватывает Августин, рассуждая в диалоге «Об учителе» на совершенно другую тему: о соотношении вещи и знака (знания) и полагая, что наука гораздо лучше слов. Например, слова «soenit» («грязь») и «soelum» («небо») различаются при произношении одной буквой, имена этих вещей лучше самих этих вещей, но знание их лучше их имён. Потому вещам нельзя научиться через слова; через саму себя показывается только речь³. Вещь, называемая философией, показывает себя через речь, которой владеют все мыслящие. И Жанна речью пытается «разговорить» их, выказывая поистине сократическое терпение и усердие, превращая факт разговора не только культурно проработанное произведение, но в диалогическое философствование, когда вещь, называемая философией, рождается на глазах.

«Я спрашивала у людей мне мало знакомых (у соседа в автобусе), во всяком случае они не знали перед нашим разговором, где я учусь. Так вот, после процедуры «втирания в доверие», сакраментального вопроса «что такое философия?» и рассуждений “субъекта исследования” на эту тему, я произнесла не менее сакраментальную фразу: “Да Вы, прям, философ!”, после чего получала примерно такие ответы: “Ну есть немного”, “Да кто из нас не философ? Все ведь живые люди – о жизни думаем” и т.п. Если же

³ *Aurelius Augustinus. De magistro. 10, 30.*

отрицали свою “философскую сущность”, то “эксперимент” над “субъектом” (ирония в связи с этим словом очевидна) продолжался:

Я. Как же не философ? Вы ведь думаете о своей жизни?

Субъект. Постоянно.

Я. Но Вы же сами только что говорили, что философия – это размышление о жизни, о мире? В чем тогда разница?

Субъект. Ну... я не совсем философ... ну, то есть “не полный” философ. Вы меня понимаете?

Я. Не очень.

Субъект. Ну, то есть есть люди, которые “полные” философы...

Я. Это какие?

Субъект. Ну они всегда философствуют. Вот хлебом не корми – дай пофилософствовать, что-нибудь умное там сказать, жизни других поучить (здесь невольно вспоминается, что истинным философом в Месскирхе считали и Мартина Хайдеггера, и его брата. – С.Н.).

Я. А Вы?

Субъект. А я только по поводу: ну, понимаете? За рюмочкой там, или вот мы с Вами сейчас сидим тут обсуждаем. А без дела – это не дело, это я не люблю».

«Субъект» вовсе не столь субъективен, как может показаться на основании его имени в этом эссе. Он считает философию *делом*. В свое время так назвал ее В.В.Бибихин, когда писал о *деле Хайдеггера*. Следом за ним стали называть этим словом и дела других философов, и саму философию – делом, которое нуждается не только в делателе, но в том, что вызывает на дело, всегда основное и всегда опасное. Что уж говорить о философе – уголовники ходят «на дело» как на опасное для самой жизни предприятие. Дело – это всегда «дело по поводу» - с подручным материалом, с раскрепощенным духом. Тот же Бибихин не забыл напоминать о значении слова *spiritus*.

«В общем в конце все почти признавали, что да, они-таки – философы. Попадались, правда, принципиальные, мол, “я не думаю, я живу”, “нечего зря языком молоть – надо дело делать” и т.п.»

Остановимся на миг. Что, однако, это значит «дело делать»? Что делать, если не знаешь, что? Что делать, если не знаешь, как? Что делать, если не обдумал, не помыслил способ делания? Этот вопрос «что», не попавший, повторю, ни в какие справочники в отличие от «ни-что» или «не-что», возвращает нас к самой мысли о деле, к самой деятельной мысли, без которой нет никакого дела. Мысль подает сигнал. Корень слова «сигнал» - «гн», *gnosco*, *знать*. Чтобы дело делать, надо знать (языком можно и не молоть), знание же в/внутри изначальной для этого дела мысли. Глагол «делать» (лат. *facere*), может быть, сильнее глагола «быть», объединяя и «быть» и «делать». «В наше

время умереть не трудно, сделать жизнь значительно трудней». Слова «нечего зря языком молоть – надо дело делать» можно считать отворачиванием от мысли, а можно – ее приворотом.

«Я не унималась: “Но вы ведь как-то пришли к таким выводам?” После чего меня довольно любезно посылали к... водителю, проезд оплачивать. Но в общем и целом... Также интересное наблюдение: когда начинаются подобного рода разговоры в общественных местах, *все как-то сразу затихают*, бросают все свои важные дела (чтение Донцовой, разматывание наушников и т.п.) и начинают внимательно слушать. Ведь все философы».

Прекрасный рассказ Жанны Лихачевой лишний раз и подтверждает старый афоризм Солона «прекрасное – трудно», и подсказывает его возможную перефразировку «прекрасное дело философии – трудно», или просто: «философия – трудно», *difficile*, потому что связано с раз-дельванием, рас-шатыванием, рас-хождением мыслей, которые имел в начале дела и потерял в конце. Великолепный пример такого дела дал Микельанджело: у его «Пьеты Ронданини...» из замка Сфорцеско в Милане три руки: он начал так, а завершил иначе, оставив начатое. Но из мрамора руку высечь можно, а вот отсечь...

Возвращая мысль и речь к поставленному вопросу, Жанна пишет: «Отвечать на вопрос «Что я понимаю под философией?» - не значит ли *снова* решать (но уже для самого себя), наука это или искусство, или, как предлагает большинство словарей, “форма человеческого сознания”, или, может быть, совсем иное нечто...

И второе: признавая, как справедливость научных определений “философии”, так и “общечеловеческих”, я все-таки попытаюсь дать свое, отвечая на вопрос не “что я под ней понимаю?”, а “чем она для меня является?”

Признаюсь и я: мне понравилась такая переделка. Когда я ставила перед студентами вопрос о «что», я желала такой переформулировки. Ибо как через «что» определить само стремление, его направленность на мудрость, векторность. Когда многие писали, что не могут дать точных определений, что слово многозначно, означая даже сибаритство души (Н.Зиновьев, П.Александров), тем самым выражалась всеобщая невозможность дефинировать оба коротких, как острие копья, слова: *силу мысли*. Но это и является стимулом для новых и новых попыток к их постижению.

Чем для Лихачевой является философия? Она видит в философии прежде всего возможность для личностного формирования. «Есть два факультета, - пишет она, куда люди идут “со своими проблемами”. Это факультет психологии и факультет философии. Но чем больше занимаешься философией, тем больше понимаешь ненужность психологии. Если психология старается стандартизировать свои методы, вывести

“типичного человека”, одним словом обезличивает, то в произведениях философов обязательно найдешь близкое именно тебе, из чего и формируется твоя персона».

Сказано резко, решительно и – неточно. И философию можно найти неперсоналистскую (феноменология Гуссерля), и психологию персоналистской (Л.С.Выготский). А.П.Огурцов вообще считает несчастьем XX в. развод психологии и философии, поскольку многие термины (восприятие, память, внимание, которое часто считают прерогативой именно философии) взяты именно из психологии. Это вопрос дальнейшего продумывания, как и утверждение, что философия «помогает спокойнее относиться к возникающим в жизни проблемам». Но утверждение, что она «дает уникальную возможность *думать*», возражений не вызывает в силу того, что сейчас появилась тенденция заставить мысль надеть униформу. При этом Жанна подчеркивает, что она имеет в виду возможность думать «о том, о чем никто не думает», и научиться «различать, о чем думать важно и нужно», чтобы осуществлялась «живая мысль», которую для себя она определила как «утешение философией», поворачивающее сознание на 360⁰. Философия к тому же выдвигает «абсолютно оригинальные идеи, ни на что не похожие», заставляющие «отвлечься от всего, что знал ранее».

Вот эта готовность мысли не только продуцировать (конструировать, отыскивать) нечто новое, но и *отказаться от себя* является сквозной для многих студенческих работ. Это не значит отказ от мысли, это значит отказ от устойчивых взглядов, транслированных в человеческую голову. Коррупция – не всегда порча, это и изменение. Старая мысль испортилась, да здравствует новая! Я нарочито использую это слово, ныне ругательное, подчеркивая его принципиально философский характер, жаждущий изменения. Сегодня сказать «я хочу узнать, как все было на самом деле», не ставя под вопрос устоявшиеся, на первый взгляд, понятия, - значит сказать пошлость, поскольку это значит установить нечто как незыблемый чугунный постамент, который на коне не объедешь (хотя интересно бы поставить памятник Даме Философии – как бы она выглядела? Говорит же Жанна, что, по словам ее друзей, «самые лучшие креативщики в фирме часто оказываются с философским образованием». Почему, например, они – креативщики, а не «эманальщики» или «имманентщики», «трансцендентальщики»?).

Философия как инструмент экспансии...

Евгений Рабичев дал развернутый и взвешенный ответ на поставленный вопрос. В нем содержится многое из того, о чем выше было сказано, а потому обращу внимание на непосредственно его собственное. Прежде всего, Рабичев полагает, что дать определение философии извне не возможно. «Это прерогатива самой философии – наделять смыслом те или иные отстраненные понятия и категории, которые не выводятся из других понятий».

Такое утверждение само по себе требует осмысления. Кто, например, и от чего «отстранил» понятия и категории, не выводимые из других, и кто или что поставило их в столь обособленное положение? Как они столь обособленно возникли? Если говорить о том, что философия сама наделяет их смыслом, значит известно, что такое философия, и в таком случае, почему бы не дать ее определения или описания?

Очевидно, что при этом поднимается вопрос, связанный с проблемой метода: следует ли философию определять позитивно или негативно, «отделив то, чем она не является»? Любопытно то, что, задавая вопрос об определении философии, Рабичев предлагает работать с совокупностью уже имеющихся определений, «выбрав из них те признаки, которые являются общими, оставив те проблемы, вокруг которых идут споры». А как быть, если философ рассматривает проблему, относительно которой споров нет? Является ли его работа в таком случае никчемной?

На одном международном симпозиуме, состоявшемся в 2012 г. в РГГУ, было прочитано несколько докладов при полном молчании. Между тем, было видно, что молчание происходит от сложности вопросов, от невладения темами, от усилия продумывания. Потом речь зашла о том, в чем все считали себя специалистами, и собрание оживилось. Один профессор из Германии спросил: почему столько шума по поводу всем известных истин?

Упование на то, что совокупность определений поможет дать полное определение философии, даже если «прибегнуть к тропам и аналогиям, понятным на интуитивном уровне», не выдержит испытания, хотя основания для такого упования есть. Григорий Борисович Гутнер писал в начале упоминавшейся здесь статьи, что обилие философских тем и проблем таково, что сейчас практически невозможно высказать что-то своё: из-за обилия текстов, на которые необходимо сослаться, чтобы вставить себя в крохотное образующееся пространство между ними, рождается сомнение в надобности этого своего, поскольку всегда остается возможность, что что-то осталось просто найденным.

Рабичев, еще вплотную не столкнувшийся с такого рода изобилием, ставит такой вопрос в качестве гипотезы, предлагая альтернативу: «является ли наш язык достаточно ёмким и совершенным или есть возможность дать определение философии при помощи действия или поступка?» Можно сказать: и язык ёмкий, и философия поступка была создана (см. М.М.Бахтин).

В подпункте к вопросу о возможности определить философию из уже имеющихся определений, Евгений задает другие действительно необходимые вопросы: «изменялось ли понятие философии исторически? Было ли понятие философии задано изначально Платоном, который первым назвал себя философом (ну, скажем, Сократ, а еще раньше – Пифагор. – С.Н.), или же философия существовала ранее в Греции или других культурах?»

Вопросы, что говорить, заманчивые. Хотя бы потому, что на них начинают отвечать на первых же занятиях в университете (введение в философию, история античной философии) и не заканчивают разговора вплоть до конца жизни. Но, видно, что-то иное имеет в виду студент уже второго года обучения и, разумеется, *знающий* предлагаемые в лекционных курсах ответы. Его желание - «приблизиться в личностном плане к пониманию», и еще больший замах – «и таким образом оставить следы, по которым другие, следуя за мной, смогут сравнить свое понимание и найти, возможно, для себя новое».

Возможно, последние слова (и многое другое) – ирония: как без иронии можно отвечать на такую силу! В поисках своего понимания, в предвидении нескончаемого перечня тем и проблем, с которыми сотрудничает философия, с иронией и вместе с твердостью первооткрывателя Евгений начинает структурировать свою работу, определяя 1. философию между наукой, литературой и религией; соотнося 2. философию и свободу; 3. философию и игру; понимая 4. философию как память, 5. предвидение и 6. понимание самого себя (Сократ продолжает оказывать сильнейшее воздействие на философов, даже тех, кто утверждает некое независимое объективное существование философии). Последние два пункта не раскрыты, последующие и не перечислены, ибо прежних исследований столько, что рука отказывается писать, но первые четыре представили некое видение проблемы в своего рода обратной перспективе – с множеством расположенных на плоскости разнообразных сюжетов, связанных темой, «что такое философия?».

Вопреки заявленному во вступлении, но не критикуя заявленное во вступлении («прерогатива самой философии – наделять смыслом... отстраненные понятия и категории, которые не выводятся из других понятий»), поскольку оно может пригодиться, Евгений полагает, что цели и задачи философии, на его взгляд, «будут соответствовать научным идеалам – это попытка выработать мировоззрение, которое однозначно и безошибочно будет описывать универсальные законы мироздания, его основания». Создается впечатление, что речь идет не столько о философии, сколько об идеологии, и что введение писалось позже основной части или настолько раньше, что забылось и не перечитывалось. Но оставим это впечатление, ибо главное здесь в констатации схожести философии и науки. «Во многих отношениях современная философия поразительно напоминает естествознание. Сходство, в частности, состоит в том, что философия, как и естествознание, развивается сейчас кумулятивно, накапливая позитивные результаты. Естественно, что любой шаг подготовлен лишь с ранее подготовленной позиции. Причем сам этот шаг неизбежно оказывается незначительным в сравнении с громадным массивом прежде решенных задач». Это пишет уже доктор Гутнер, который полагает, что «одна из проблем, с которой сталкивается современный

философ – это проблема сложности». Огромное количество исследований, ссылки на которые необходимы, ведет к тому, что «каждая работа оказывается своего рода гипертекстом... здесь философия находится в том же положении, что и большинство естественных наук или математика. Предмет оказывается за пределами постижения из-за его чрезмерной сложности. Пример математиком здесь особенно показателен. Доказательство теоремы сейчас может содержать тысячи страниц. Если кто-то смог такое доказательство провести, то едва ли кто-то другой сможет его проверить. Но непроверяемое доказательство не является доказательством»⁴.

Удивительно, что о сходстве с наукой и – в частности – с математикой упоминает несколько студентов, которые попали в средоточие обсуждения темы с отнюдь не начинающими философами, которые разделяют многие их позиции и дают посильный ответ на запросы. Г.Б.Гутнер, в частности, подробно проанализировал способы превращения философии в позитивную науку, которому способствовало в XX в. то, что иногда называют гуманитарным мышлением и что выражено в работах М.Фуко, в которых знание, некогда выраженное в универсальных категориях, «обращаются в эмпирические эвристики, описывающие весьма локальные ситуации»⁵, оставляя за спекулятивной философией ту ее важнейшую особенность, что в ней, если перефразировать старое изречение, содержится изначально нечто, что потом обнаруживается в чувстве и эмпирии.

Если исходить из этой общей установки, то ясно, почему Рабичев отрицательно отвечает на вопрос о том, изменялось ли в ходе истории понятие о философии, считая, что философия, основанная на рациональных началах, «совершенствующихся более двух тысяч лет», была «сформирована в древней Греции». Вряд ли, конечно, можно считать основаниями такого взгляда (см. выше) только те «общие логические законы: закон исключенного третьего, закон тождества, закон достаточного основания», ибо, скажем в конструктивной логике отсутствует закон исключенного третьего, в попперовской концепции фаллибилизма «плавают» закон достаточного основания, а Гегель вообще считал все эти законы рассудочными, которым не подчиняется разум. При чтении возникает масса вопросов, прежде всего относительно истории. Можно напомнить о средневековом слове античных принципов, о законе совпадения противоположностей Николая Кузанского, о картезианских принципах ясности и отчетливости, априорности Канта, трансцендентальной философии, имманентизме XX в., деструкции и деконструкции, лишаящих тройку главных логических законов законодательной базы.

Но главная мысль Рабичева – «философия неотделима от европейской цивилизации», которая «обеспечила ее доминирование и процветание». Евгений в

⁴ Гутнер Г.Б. Ук. соч. С. 113 – 114.

⁵ Там же. С. 117 – 118.

принципе пишет, «с точки зрения европоцентризма, которого придерживается». Вопрос, однако, в следующем: доминирует ли сейчас европейская цивилизация на земном шаре? И если доминирует, то в каком смысле? При положительном ответе необходимо разъяснить, что означает фраза Герцена о странах Азии, которые «перестали пылить» за Европой. В свое время М.К.Петров разработал идею социального кодирования трех типов: лично-именное (первоначальное мышление), профессионально-именное (индийско-китайское) и универсально-понятийное (европейское). Эти коды он рассматривает как равноправные, часто не взаимодействующие друг с другом. Кроме того, существует философская идея диалога культур (М.М.Бахтин, В.С.Библер), предполагающая не просто их одновременность, но возможность как раз логику понять как логику парадокса, как логику трансдукции (переключения) исторически наличных логик. Такая логика озабочена не сущностью логики, соответственно не ее законами, а ее бытия (бытия логикой), бытия-возможностью и возможности, под которой вовсе не имеется в виду, что эта логика закладывает возможность, даже некоторым образом обеспечивает ее, коль скоро она законодательна, а имеется в виду, что современное, наличное, вот сейчас существующее бытие только возможно. Логика понята как «возможностное бытие мышления». В сфере каждой из наличных логик есть своя всеобщая возможность бесконечного бытия, которая перестраивает иную категориальную систему, обосновывая смысловые сдвиги, а то и просто, как говорил Деррида, уничтожая смысл, поскольку знаки в каждой новой логической сфере меняют значения до неузнаваемости. Разве Цезарь, ставивший лагерь в Галлии, понял бы значение слова «ГУЛАГ», включающее в себя слово «лагерь»? Я помню, как однажды шла мимо здания КГБ и увидела на дверях вывеску «Лагерная комиссия за углом». Военный, шедший мимо и увидевший мою оторопь, улыбнулся: лагерь можно было понять и как исправительно-трудовой, и как пионерский или спортивный. На мой взгляд, не стоило бы нечто утверждать как незыблемую истину, не проанализировав возникшие и существующие концепции, или не назвав их, что свидетельствовало бы о том, что они участвуют в нашем вопрошании философии. Тем более, что сейчас – во время глобализации - скорее уместен анализ выражения «центр везде, а окружность нигде».

Но еще более неясен вывод из идеи европоцентризма: философию, можно, оказывается, «рассматривать как инструмент экспансии и принуждения к диалогу варварских народов, разрешения конфликтов при помощи разума, интеллекта, а не грубой силы». Автор, по крайней мере, должен разъяснить, что такое философия как предмет экспансии и раскрыть механизм «принуждения к диалогу», если к диалогу можно принудить. Даже если это некая ирония, то для нее нужен, по крайней мере, некий противоположный объект. Но принудить нельзя даже к монологу. Слово (в этом смысле), как правило, сами берут, трибуну захватывают. Диалог же (любой диалог – греческий,

средневековый, эпохи Возрождения, современный) предполагает равных собеседников, вольно раскрывающих свою мысль. Августин убеждает Адеодата силой аргументов (и то не всегда и не сразу), он же в «Тайне» Петрарки вовсе не убеждает своего собеседника Франциска, а библеровский диалог предполагает постоянную смену голов, но не путем их декапитации, а путем той самой трансдукции, о которой я выше сказала.

Далее. О каких варварах идет речь? Если о варварах первых веков нашей эры, то скорее они принуждали римлян признать их первенство и не философией, а оружием и религией. Если о неких современных варварах, то и с ними не философствуют, в лучшем случае садятся за стол переговоров и в иных ситуациях достигают консенсуса. Да философия просто не может совершать никаких рывков, «демонстрируя силу знания по сравнению с количественным превосходством иных народов» - это несравнимые вещи. Я понимаю силу запала, руководившую автором, влюбленным в философию, но она, как Восток, - дело тонкое. Она не может сказать, как великий Александр: сперва ввяжемся, а потом посмотрим. Иначе о каких законах может идти речь!

Можно согласиться с автором эссе, что философия не «совокупность исторических или культурологических сведений» и что «она неотделима от работы с текстами, впервые появившимися в Древней Греции, построенными в соответствии со специфическим стилем аргументации». Можно согласиться с необыкновенной важностью текстов для философской работы (в семинарской работе с Библером мы чередовали собственные исследования, предлагаемые в виде докладов, с текстологической работой), однако и здесь можно задать вопрос: с какими текстами имел дело Сократ и какие тексты писал Сократ? При отрицательном ответе на этот вопрос, лишается оснований утверждение о неотделимости философии от текста. Ибо вопрошать можно и без онога. Николай Кузанский приводит как лучший пример философа некоего ложечника, который работал только и исключительно «в уме». Работа с текстом к тому же может быть филологической, а отнюдь не философской. Деррида снял такую обязательность с философии. Кроме того, из такого чтения может исчезнуть миф, без которого нет древнегреческой, на которую ориентируется автор, философии.

Можно согласиться, что философия использует художественные приемы (хотя до XVII в. не было различия жанров), «упрощающие субъективное восприятие». Но хотелось бы, чтобы автор столь же увлеченно показал, как относится к делу упрощения Хайдеггер, автор высказывания «язык – дом бытия». Работа с текстом, подразумевающая аналитическое чтение, непременно имеет дело с герменевтикой. Вопрос в том, с какой герменевтикой. Просто ли это разъяснение позиций создателя произведения, но тогда с какими критериями, с какой философской направленностью происходит это разъяснение? Какова задача такого прочтения: «схватить» смысл, согласовав два сознания – читателя и писателя? Или при согласии со смыслами развить заданную

текстом мысль. Можно к тому же и отклониться от предложенного смысла, определенным образом понятого, и образовать свой язык, тем более что неуловимая пустотность даже между двумя буквами, тем более между буквой и невысказанным в ней желанием предоставляет такую возможность.

Можно было бы согласиться и с мыслью автора эссе, что «этический идеал» философа близок «христианскому идеалу святого», потому что в теоретическом созерцании философ так же, как и этот святой отрешен от мира. Но все же он действует ради мира, святой же ради Бога, ему не требуется светская аргументация (Фома Аквинский сочетал в себе философское умение, подчиненное задачам теологии). Можно согласиться и с тем, что наш разум верующий, но философ едва ли потому верующий, что не может разрешить какие-то проблемы. Проблемы – не задачки. Для него по-прежнему актуальна позиция ученого незнания. И идеи Бога или абсолюта возникли не оттого, что их «удобно» использовать.

Во второй части эссе, называемой «Философия и свобода», Рабичев поставил не просто проблему свободы, но проблему философского поступка перед лицом власти. Он так определяет свободу: 1. «свобода рассуждать отстраненными понятиями», 2. «свобода от авторитетов», которые не являются «аргументом [в] дискуссии», 3. «свобода от обыденного опыта и предрассудков». Считая сомнение основополагающим способом рассуждения в философии, Рабичев напоминает, что «философ, сомневающийся в самих основаниях своей науки, оказывает ей невероятную услугу, например, теория относительности Эйнштейна была создана как некий результат работы философа Маха». 4. Свобода – это «свобода пользоваться своим разумом», предполагающая «возможность превозмочь соблазн собственной меркантильной выгоды во имя общего блага или истины, способность говорить правду в ущерб себе и презирать тех, кто противостоит этому».

Могу лишь солидаризироваться с мыслью, что идеалы власти, сохраняющей институты принуждения и манипулирующей общественным мнением, расходятся с задачей философов – «действенно противостоять тоталитарным тенденциям и разоблачать лицемерие властей. Этот философский идеал был заложен Сократом, учителем Платона, который был приговорен к смертной казни по политическим мотивам и с честью отстаивал себя до конца».

Я не хотела бы, чтобы в этом разговоре кто-нибудь обнаружил хоть крупицу менторства: я читала сочинения моих младших, но отнюдь не робких и «быстрых разумом» коллег с тем вниманием, с каким не всегда не читаешь «профессиональных» философов. Иногда охватывало редко испытываемое при чтении головокружение не от уверенности в правоте или неправоте написанного, а от уверенности в незаконченности человека, истории и философии. «Космической глупости», без которой немислим

никакой ум, нам хватит. Фраза, на которую опирается один из второкурсников «ты должен обладать... мужеством, чтобы пойти вслед за своей мыслью туда, куда она приведет тебя», может послужить прекрасной концовкой размышления на тему, что такое философия.